

Из цикла «Кошмары спящей»

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ. МИНУС ОДНА

Елена Храмцова

Елена Храмцова
Девять жизней. Минус одна
Серия «Кошмары спящей», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68811627

SelfPub; 2023

Аннотация

Тревожащий душу рассказ о молодой женщине, которой из раза в раз снятся вещие сны. Этим снов она боится до дрожи, ведь в них она – кошка.

Содержание

Сон первый. Жизнь первая	5
Сон второй. Жизнь вторая	7
Сон третий. Жизнь третья	11
Сон четвертый. Жизнь четвертая	14
Сон не последний. Жизнь пятая, шестая, седьмая, восьмая и девятая	19
Послесловие автора	26

Елена Храмцова

Девять жизней. Минус одна

*Чтоб связать тебе жизнь,
я тайком распускаю свою...
(с) Беляева Валентина, 2001*

День был изматывающим. Она так устала, что прилегла вздремнуть, – воспользовалась небольшой паузой, пока с работы не пришел муж с дочкой, которую он должен забрать из садика по дороге домой.

Уже погружаясь в сон, она, по еле ощутимому чувству пробегающего по коже мороза, вдруг с ужасом поняла, что ей сейчас приснится. Предприняла отчаянную попытку очнуться, но не успела.

Ей снова снилось, что она кошка.

Сон первый. Жизнь первая

Мама пахла очень вкусно! Сладким молоком и чуть влажной тщательно вылизанной шерстью на животе, в которую сейчас утыкались шесть маленьких, слепых и ещё совсем крошечных, всего неделю назад родившихся котят, – включая и её саму. Две сестрёнки и трое братишек сопели, пытаюсь добраться до маминых сосков. Она была самой старшей и шустрой и, несмотря на непослушные, расползавшиеся в разные стороны лапы, добралась до заветного молока быстрее их, – а потому уже вовсю старательно наминала передними лапами мамин живот, намертво вцепившись в один из сосков и обоняя родной запах.

– Марья, здесь её выводок, нашёл! В голбец, паразитка этакая, утащила. Неси ведро! – раздался откуда-то сверху грубый мужской голос.

Что-то брякнуло. Послышались тяжёлые, бухающие, постепенно приближающиеся звуки.

Шаги и громкий голос сильно напугали маму-кошку и та, стряхнув с себя её и других её братьев и сестёр, забилась куда-то под лестницу. Ей стало очень обидно, ведь она всё ещё была голодной. Братья рядом запищали, заползали, бестол-

ково шатаясь и падая в попытках снова найти мягкий и нежный живот. Она же к концу этой первой недели своим маленьким умишком уже понимала, что мама уходит намного дальше, чем они могли бы до неё самостоятельно добраться, и потому, пару раз мявкнув от досады, лишь плотнее прижалась к лежащим рядом сестрёнкам, сберегая тепло.

Что-то грохнуло совсем рядом, пол трянуло. Чуть громче, чем до этого, пискнул один из братьев. Булькнуло. Пару минут было тихо. Потом большая рука грубо заграбастала её, подняла и тут же погрузила во что-то очень холодное, почти ледяное. Ей стало очень страшно и мокро, – намного мокрее, чем когда мама вылизывала их своим шершавым тёплым языком. Несколько мгновений она изо всех своих крошечных сил пыталась извернуться, дёргаясь и барахтая всеми четырьмя лапами в безучастной мокрой холодной мгле, внезапно окружившей её со всех сторон и проникающей прямо внутрь, – заливая уши, глаза, рот. Но сильная рука держала надёжно и крепко, не замечая её слабых усилий.

Сон второй. Жизнь вторая

Она сидела в клетке метр на метр, забившись в самый угол. Ей было пять или шесть лет, – точнее могла бы сказать только «эта», и то если бы смогла найти её сертификат среди завалов бумаг на старом, когда-то называвшемся письменным, столе. И бумаги, и сам стол были покрыты толстым слоем пыли.

«Эта» была толстой и неопрятной бабищей, тяжёлой на руку. Особенно когда бывала пьяна, что последние пару лет означало почти постоянно.

Когда-то «эта» купила её, молодую красивейшую британскую короткошёрстную с шикарнейшей плюшевой шубкой, на международной выставке у заводчиков. Но сейчас ей было уже пять (или всё же шесть?) лет и она давно забыла, что когда-то была красивой. Шерсть без вычёсывания свалась, а сама она стала непомерно тощей от бесчисленных родов и постоянного выкармливания потомства. Не имея возможности активно двигаться в клетке, она почти всё время лежала на своей старой грязной подстилке, что тоже не способствовало здоровью и красоте. Она давно уже ничего не чувствовала, кроме апатии и страха перед перепадами настроения «этой».

Последние её роды прошли очень плохо, почти все котята родились мёртвыми. Внизу живота под хвостом сильно болело, несмотря на то, что она постоянно вылизывала это место. Из стоящего рядом лотка, в котором крайне редко убирала, исходили такие миазмы, что её глаза сильно слезились.

Справа и слева от её клетки стояло ещё три таких же, с её товарками, – такими же, как она, несчастными и забитыми кошками, давно забывшими, с каким восхищением на них когда-то смотрели люди. В этой квартире право свободно передвигаться имел лишь кот Арчибальд, и то если не путался под ногами.

«Эта» в очередной раз коротала вечер со своим постоянным бойфрендом за бутылкой. Тот, едва ворочая непослушным языком, разглагольствовал:

– Слушай, а чё мы эту старую кормим, а? Пустая ж уже, ни родить, ни выкормить больше не сможет. Выбросить и дело с концом. Не, ну в самом деле, чего мы её зря кормим?

«Эта» сначала уставилась на собутыльника осоловевшими глазами, пытаясь осмыслить услышанное. До оглушённого алкоголем мозга доходило туго. Потом взгляд несколько прояснился и «эта» со смесью удивления и одобрения произнесла:

– Корм дорогой, с-с-со-ба-ка!.. А её глядишь и подберёт кто. По-ро-да же!

«Бойфренд» неверными шагами подошёл к клетке, распахнул. Впотьмах с трудом нащупал её, забившуюся при виде приближающейся фигуры ещё сильнее в угол. Схватил за шкуру и, с трудом открыв давно немытое окно, смотревшее во двор на высоте первого этажа, недолго думая, вышвырнул её прямо из окна. Падать было недалеко.

Она неуклюже плюнулась в холодную белую мяшу, погрузившись в неё с головой. Ничего не понимая, обалдевшая от испуга и резкой перемены, одним рывком выскочила из сугроба, – только для того, чтобы попасть в другой такой же. После пары попыток выбраться из этой белой западни, она всё же смогла запрыгнуть на твёрдый, чуть возвышающийся над сугробами бортик, идущий вдоль заколоченного подвального окна.

На улице было темно и холодно. Очень холодно.

В шоке от внезапного потрясения и в совершеннейшем непонимании происходящего, она собралась в комок, подобрала под себя лапы и хвост, пытаясь согреться. От окошка шёл небольшой парок и воздух рядом с ним был чуть теплее. Она плотнее прижалась к этому окошку, потихоньку засыпая.

Сверху падала белая колючая крупа, покрывая всё вокруг и понемногу заноса небольшой округлый холмик рядом с

ПОДВАЛЬНЫМ ОКНОМ.

Сон третий. Жизнь третья

– Марина, меня это достало, сколько можно?! Опять твой отпрыск за своим котом не следит, – орал басом мужской голос. – Мало того что этот засранец ободрал моё любимое кресло, так он ещё и нассал мне в ботинок! Моё терпение лопнуло, к чёрту такие подарки!

– Дядя Валера, ну он же ещё маленький, несмышлёный! Я ведь слежу, и из лотка убираю регулярно! Ему только привыкнуть надо и разобраться, что к чему. Не трогайте его, дядя Валера, ну, пожалуйста! Не трогайте!

Не слушая воплей, дядя Валера одним движением отодвинул в сторону щуплого пасынка, прикрывавшего собой его полосатую, нескладную и тощую, опять непонятно в чём провинившуюся тушку. Схватив за шкурку и тряхнув при этом так, что с загревка чуть не посыпались полоски, взбесившийся отчим выкинул его за дверь в подъезд многоэтажки.

Несмотря на не очень удачную траекторию падения, ему удалось упасть на все четыре лапы. Из-за его подростковой неуклюжести такое происходило не всегда, и он был очень горд собой.

Из-за закрывшейся за ним двери доносились крики ссоры и плач подростка.

Было понятно, что обратно его пустят ещё не скоро. Не унывая, – ему вообще было не свойственно переживать из-за странного поведения людей, – он с любопытством начал осматривать место, в котором очутился. Впрочем, ничего интересного в лестничной клетке не было, сплошной камень.

Он решил было подняться по ступенькам вверх, но тут этажом выше послышались шаркающие шаги. Это спускался сверху сильно пожилой седовласый старик с тростью, сосед мальчишки. Увидев его, старик возмущённо произнёс:

– Эт-то ещё что такое! Только котов нам в подъезде не хватало, чтобы кошачьей мочой потом несло! А ну, п-шёл, а ну, п-шёл отсюда!.. – сердитый старик начал палкой сталкивать его вниз, по направлению к дверям.

На улице было чрезвычайно интересно. Ему нравилось абсолютно всё! И мягкая зелень под лапами, и неторопливо вышагивающие голуби, за которыми было так весело охотиться, и сухой мелкий песочек на детской площадке. Конечно же, он не забыл сделать туда все свои дела, тем более что этот песок был намного приятнее наполнителя, воняющего каким-то резким синтетическим запахом под названием «Лаванда», который засыпали ему дома в лоток. Изу-

чив площадку перед подъездом, он отправился исследовать окрестности. Бесстрашно вышел на дорогу, но тут, резко за-сигналив, на него налетело что-то большое и тяжёлое. На се-кунду стало очень-очень больно, и свет померк.

Сон четвертый. Жизнь четвертая

Он встал. Потянулся после сна всем телом, выгнул спину дугой, вытянул вперёд свои мощные рыжие лапы. Подошёл к хозяйке, сидевшей со спицами в старом, лоснящемся кресле примерно его же возраста, потёрся о ногу.

– Ну что, Рыжий, отоспался? Кушать будешь, или сразу на улицу, гуляка, пойдёшь? – ласково погладила его хозяйка и почесала любезно подставленную им под ласку шею.

Уверенной грациозной походкой он степенно дошёл до своей миски, – хотелось пить, – после чего решительно направился к двери хозяйского дома, которая впервые за последний месяц была вновь открыта. Весь этот месяц ему пришлось просидеть в запертом доме, и он просто должен был проверить, не изменилась ли на улице расстановка сил, да не забыл ли кто случайно кто тут хозяин территории.

Его хозяйка жила в частном секторе, и он держал в страхе всю округу, включая излишне воспитанных домашних собак. С бродячими, правда, отношения у него не сложились, и те то и дело загоняли его на дерево. Но он прекрасно знал их повадки и в большинстве случаев, насладившись их безудержным лаем под деревом, просто перепрыгивал на ближайший забор и с достоинством удалялся.

Дома его заперли после одного неприятного инцидента.

С год назад на второй половине дома поселился внук хозяйки со своей женой. Этой весной у них появился младенец, – часто пищущий человеческий детёныш. Как же его бесили эти детские вопли! Пару раз он даже сумел запрыгнуть в кроватку, пытаясь разобраться с этим пищущим недоразумением, но не тут-то было. Всякий раз его тут же с бранью хватили и выбрасывали за дверь. Начинались крики, брань и ещё большие вопли, и долгие выяснения отношений с хозяйкой. Зачем вообще хозяйка пустила их к себе, он категорически не понимал.

В какой-то момент внук хозяйки, несмотря на его отчаянное сопротивление, запихнул его в переноску и отвёз в вонючую клинику, которую он терпеть не мог. Там ему какие-то тётки в белом всякий раз что-то кололи, весьма беспардонно трогали и ощупывали. Они хоть и встречали его почётным прозвищем «Рыжая бестия», но при этом совершенно непостижимым образом умудрялись уворачиваться от его когтей и острых зубов. Вот и в этот раз, зажав так, что не пошевелишь, со словами «Допрыгался, Рыжий демон!» ему что-то вкололи. Сразу сильно зашумело в ушах, и он почувствовал, что отключается.

Очнулся он сильно дезориентированным в пространстве и уже со странными повязками на лапах. Его очень тошни-

ло, а бесячие повязки давили, сильно мешали и создавали очень неприятные и крайне болезненные ощущения в лапах. Впрочем, вскоре он пришёл в себя и легко разделался с повязками, которые оставили ему на память странное ощущение пустоты в подушечках пальцев. Лапы некоторое время ещё продолжали противно ныть, а потому он решил на всякий случай держаться от внука хозяйки подальше, мало ли что тому ещё взбредёт в голову! Но на улицу его не пускали ещё долго.

И вот настал его час, наконец-то снова свобода!

Он не спеша вышел на крыльцо, повёл носом по ветру, ощущая его дуновение кончиками своих длинных усов. Немного посидел на нагретом деревянном крылечке, жмурясь от яркого и тёплого дневного солнца и впитывая это тепло всем телом. Пора обходить территорию.

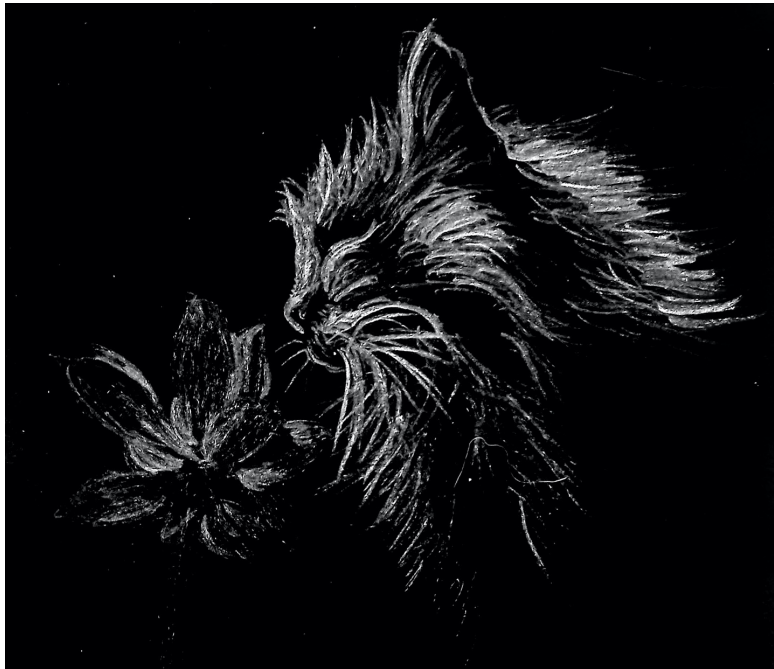
Обойдя двор и убедившись, что ничего не изменилось, он пошёл в сторону хорошо знакомой дырки в заборе, ведущей прямо в переулок. Сначала прогулялся вдоль забора, с удовольствием осязая мягкую траву, чуть проминавшуюся под его сильными лапами, и поглядывая на шустрых воробьёв, копошащихся на дороге. Охота на них была делом привычным и приятным, но не первоочередным. Сейчас он направлялся в сторону синего дома, где жил серый большой кот, который то и дело забывал кто здесь хозяин и пытался качать права. Навестить его нужно было непременно и как

можно скорей, – ничего так не укрепляет пошатнувшийся за длительное отсутствие авторитет, как хорошая взбучка, после которой противник со всех ног улепётывает под защиту дома и домашних, роняя за собой клочья серой шерсти!

Он завернул за угол... и встал, распушив хвост и выгнув спину. Прямо напротив него всего в паре метров стоял его давний недруг, здоровенный злощущий коричневый пёс, помесь овчарки с чем-то ещё. Надо было срочно ретироваться.

К счастью, совсем рядом рос отличный дуб, с которого можно было спокойно перепрыгнуть на яблоню соседнего участка. Рыжий не раз использовал его толстые ветви, чтобы в жаркие дни полежать в тени листвы, наблюдая за происходящим за забором, или переждать время в других, подобных этой, переделках.

Одним прыжком он одолел расстояние до толстого дерева и стремительно почти взлетел на нижнюю ветку... Но рыжие сильные лапы, лишённые когтей, вдруг предательски соскользнули с толстой шершавой коры, и он растерянно и беспомощно плюхнулся прямо под ноги разъярённой коричневой бестии, скалящей зубы.

Сон не последний. Жизнь пятая, шестая, седьмая, восьмая и девятая

Они попискивали от холода, пытаясь позвать маму на помощь. Мама наверняка смогла бы их защитить от этого ледяного больно жалящего ветра, и уж точно, крепко держа за загривок, перенесла бы в какое-нибудь более тёплое и уютное место. Но мама всё не приходила. Их было пятеро, в этой коробке. Они сильно жались друг к другу, дрожа от холода, пытаясь согреться, но это совсем не помогало. Издаваемый ими слабый писк становился всё более тихим и хриплым.

Окончательно замерзая и напоследок сипло пискнув из последних сил, она почувствовала, как совсем рядом с ней тельце братика вдруг стало совсем холодным...

...Она резко проснулась. Задыхаясь от ужаса, колотясь в сильнейшем ознобе, несколько секунд приходила в себя. Словно почувствовав её состояние, роскошная плюшевая дымчато-серая Неслышка запрыгнула на колени и, нежно урча, принялась обтираться о её щеку, словно успокаивая. Зарыдав, порывисто обняла и прижала к себе одной рукой ни-

чуть не сопротивляющуюся кошку, другой утирая текущие по щекам слёзы, – та лишь ещё громче заурчала.

Потом стремительно встала, пересадив британку на диван. Как есть, в домашнем костюме и тапочках, засунув ключи в карман накинутаго поверх зимнего пуховика, – всё же минус тридцать, да и снег порошит, – хлопнув дверь, побежала вниз по ступенькам, на ходу пытаясь вспомнить, осталась ли у них после Маськи бутылочка с соской.

Так и есть. Коробка. Прямо у помойки в сугробе. Внутри – мягкая, но бесполезная в такой холод подстилка, и пять крошечных, слепых, трясущихся от холода и жмущихся друг к другу котят. Ещё пара минут на таком морозе и для них всё было бы уже кончено.

Отчаянно схватила коробку и, бессильно прошептав вслед удаляющейся фигуре, маячащей уже где-то далеко в конце улицы: «Бог всё видит!», – скорей побежала обратно в дом.

Она поставила коробку под батарею, переложив котят на свой плед, ещё хранивший её тепло после недавнего непродолжительного сна. Плотно притворила дверь в комнату, чтобы туда никто не пробрался, и отправилась на кухню искать бутылочку.

Следом бежала любопытная и ещё совсем неуклюжая Маська, только этим летом спасённая из рук деревенского соседа, буквально выхваченная ею в последний момент. Маська была единственной из всего выводка, оставшейся в

живых от соседской домашней кошки, который сосед топил в ведре прямо во дворе своего дома, никого не смущаясь. Из года в год все её доводы о необходимости стерилизации кошки неизменно разбивались о железобетонную деревенскую логику «Нечего переть против природы!», и совершенным отсутствием жалости к регулярно топимым котяткам: «А что такого-то? Куда их ещё?».

Маська была смышлёная, непоседливая и очень игривая, как все кошки-подростки. Она то и дело задиралась к Тиграшу. Тот хоть и был намного сильнее, но сильно хромал на левую переднюю лапу после перенесённой полгода назад встречи с автомобилем и не мог забраться на верхотуру по длинной трубе, обмотанной джутом, вслед за приставучей малявкой.

На кухне, давно требующей ремонта, рядом с миской уже сидел вечно голодный рыжий Бывалый. На спине его был неровный большой, не зарастающий шерстью, шрам, оставшийся на память после того, как его подрали уличные собаки.

Бывалый был самым старшим в этой разношёрстной компании. Он держался с поистине царским достоинством, – как король нищих, – и для того чтобы держать в страхе всех остальных домочадцев, отсутствующие когти ему были не нужны. Если утром Бывалый вдруг вставал не с той лапы,

его яростного взгляда янтарных бешеных глаз и недовольно бьющего из стороны в сторону хвоста было вполне достаточно, чтобы робкая Неслышка забилась под диван, Маська взлетела по трубе в любимое укромное место на шкафу, а Тиграш поспешил спрятаться за хозяйку.

За Бывалым нужен был глаз да глаз. Привыкший за свою жизнь к самовыгулу, он то и дело норовил улизнуть в подъезд. Вот кого точно нельзя подпускать к новеньким, так это его.

Она насыпала вечернюю пайку всей честной братии. Подставила стул, открыла дверцу антресоли, куда, как ей думалось, она могла убрать детскую бутылочку с соской, – «только бы не выбросила!», – и начала переставлять с места на место банки для заготовок, пытаясь добраться до самых дальних рядов.

Раздался звонок в дверь.

На пороге стояли замёрзшие, укутанные и запорошённые по самую макушку снегом, муж с дочкой. Поздоровавшись, она, виновато пряча глаза, тихо произнесла:

– Вот ведь нелюди. Снег валит не переставая. Поставили коробку прямо в сугроб у помойки. Пять крох, слепые ещё...

Январь, 2023.

*Владельцам российских приютов
для бездомных животных посвящается.*

Послесловие автора

Дорогие читатели!

Идея этого рассказа родилась после нескольких лет деятельности в качестве волонтера Благотворительного фонда помощи бездомным животным Екатеринбург, которому я продолжаю помогать до сих пор по мере сил и возможностей.

Если Вам понравился рассказ, лучшей благодарностью для меня, как автора, будет, если Вы найдете в вашем городе приют бездомных животных и постараетесь ему хоть чем-то помочь. Или Вы можете сделать любой посильный для Вас перевод поддерживаемому мной Благотворительному фонду помощи бездомным животным Екатеринбург (<https://www.helpanimals.ru>).

С уважением и признательностью,
Ваш автор Елена Храмцова.

**Возьми друга из приюта.
Не покупай...**

© Благотворительный фонд помощи
бездомным животным Екатеринбург, 2023 год
<https://www.helpanimals.ru>